

В.П. ВЛАСОВ

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА НИЖНЕДОНСКО-ПРИКУБАНСКОГО ОБЛИКА ИЗ КРЫМСКИХ ПАМЯТНИКОВ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Физико-географические особенности Крымского полуострова способствовали тому, что здесь переплетались судьбы многих племен и народов древнего мира. Взаимодействие разноэтничных варваров, а также их контакты с представителями античной цивилизации существенно повлияли на этническую историю края в раннем железном веке, а также способствовали формированию у населения Крыма весьма своеобразной материальной и духовной культуры.

Вклад тех или иных народов в сложение синкретичной культуры жителей Таврики, состав которых был наиболее пестрым в сарматскую эпоху (конец III в. до н.э. – IV в. н.э.) [1, с. 7], фиксируется в различных видах археологических памятников и артефактов, однако, пожалуй, наиболее отчетливо он проявляется в лепном керамическом комплексе. Будучи одной из самых этнографичных категорий находок, лепная керамика (далее – ЛК) служит достаточно надежным индикатором изменения этнокультурной ситуации того или иного региона в различные хронологические периоды.

Анализ комплекса ЛК Крыма III в. до н.э. – IV в. н.э. и его сравнение с аналогичным материалом других памятников Северного Причерноморья и сопредельных территорий показывает, что он состоит из нескольких разнородных по своему происхождению групп, имеющих различный удельный вес. Самая многочисленная группа (21,8%) включает ЛК, изготовленную носителями позднескифской археологической культуры. Второе место занимает “этнически нейтральная” ЛК (19,6%), формы и декор которой имели широкое географическое и хронологическое распространение у разных народов. Остальные группы представлены значительно более редкими образцами, появление которых обусловлено различными инокультурными влияниями [2, с. 8-9].

Одна из таких групп объединяет ЛК, имеющую тесную связь с районами Нижнего Дона и Прикубанья (3,6%), где проживало этнически смешанное, но в основе своей меотское население. Впервые данная группа была выделена по керамическим находкам позднескифского Булганакского городища, что позволило поставить вопрос о возможности появления этой ЛК вместе с нижнедонскими и прикубанскими варварами [3, с. 295, 298]. При дальнейшем исследовании крымской ЛК, изделия, изготовленные в соответствии с керамическими традициями жителей Азиатского Боспора были выявлены и на других памятниках позднескифской культуры, а также среди погребального инвентаря пришедших ей на смену некрополей позднеримского времени [4, с. 352-353]. В настоящее время в Крыму известно свыше 50 целых и фрагментированных сосудов нижнедонско-прикубанского облика, представленных различными категориями, типами и вариантами, а также видами орнаментации, которые суммарно датируются III-II вв. до н.э. – III-IV вв. н.э. Столь длительное бытование ЛК данной группы подразумевает наличие устойчивых контактов между населением двух соседних регионов, однако, хронология, динамика и характер этих контактов все еще не выяснены.

Возможно, комплексное изучение всего накопленного массива ЛК, имеющей прототипы и параллели в Нижнем Подонье и Прикубанье позволит дополнить и конкретизировать выводы, касающиеся характеристики отношений обитателей азиатской части Боспорского царства и территории Крымской Скифии.

МИСКИ (4 экз.)

Столовая посуда данной категории репрезентована одним типом – с плоским дном, сферическим туловом и слабо выраженными отогнутыми краями. Целая миска такой формы (рис. 1, 1), а также их фрагменты зафиксированы в слое и хоз. ямах рубежа эр Булганакского городища [3, с. 253, табл. V, 18, 19].

Аналогичная керамика в V-III вв. до н.э. бытовала на Елизаветовском городище, а в III-I вв. до н.э. – в Танаисе [5, с. 164, рис. 47,2; 6, с. 130, рис. 2,5; 7, с. 182, табл. I,6] и других аналогов ей неизвестно.

ГОРШКИ (9 экз.)

Тип 1. (4 экз.). С плоским дном, расширенным в верхней части приземистым овалоидным туловом и плавно загнутыми краями, без горла. Представлен крупным склеенным горшком, а также фрагментами I в. до н.э. – I в. н.э. из Булганакского (рис. 1, 2) и Южно-Донузлавского городищ [8, с. 12, 18, рис. 21, 13, 17; 3, с. 218, табл. I, 15; 9, с. 18, табл. 22, 2].

Тип 2. (3 экз.). С плоским дном, сферическим туловом и плавно загнутыми краями, без горла. Целые сосуды обнаружены в здании I в. до н.э. поселения Южно-Донузлавское и в слое II-III вв. н.э. Альма-Кермена (рис. 1, 4), а фрагменты – в хоз. яме рубежа эр Булганака [10, с. 52, рис. 3,3; 9, с. 19, табл. 26,5; 3, с. 224, табл. II, 1].

Горшки 1 и 2 типов в Крыму встречаются как исключение. Их основной ареал с VI-V вв. до н.э. по I в. н.э. – Подонье и Прикубанье [11, с. 92, табл. LII, 26; 5, с. 164, рис. 47, 1; 12, с. 282, рис. 5, 21; 7, с. 181-182, 206, табл. I, 6, 12, 14, 16, 17; 6, с. 130, 131, рис. 2, 6; 13, с. 64, рис. 4, 21, 24; 14, с. 144, табл. 5, 2].

Тип 3. (2 экз.). С плоским дном и расширенным в средней части цилиндрико-биконическим туловом. Отличия в пропорциях тулова делят горшки на два подтипа.

Подтип 1. С приземистым туловом. Представлен частью горшка с отбитым венчиком из слоя I в. н.э. городища Булганак (рис. 1, 3) [3, с. 231-232, табл. I, 17].

Подтип 2. С туловом средних пропорций и цилиндрическим горлом. Представлен сосудом из склепа второй половины III-IV вв. н.э. № 1 могильника Дружное (рис. 1, 5) [17, с. 91, 96, рис. 10, 18; 12, 3].

Сосуды с такой формой тулова очень редки. Два морфологически наиболее близких изделия обнаружены среди гончарной сероглиняной посуды сарматских погребений рубежа I-II – середины III вв. н.э. из Нижнего Поволжья и А.С. Скрипкин считает, что такие кувшины поступали к поволжским сарматам из гончарных центров Прикубанья и Нижнего Дона [18, с. 24, 25, 55, рис. 2, 1; 4, 7]. В этой связи, можно предположить, что присутствие в Крыму лепных экземпляров столь необычной конфигурации демонстрирует влияние керамических традиций названных выше районов, которые могли быть привнесены либо сарматами, либо находившимися в составе сарматских мигрантов меотами.

* Подбирая аналогии, мы сознательно не указали морфологически соответствующие типам 1 и 2 вельбаркские горшки-кумпфы с нарочито ошершавленной (“хрповатой”) поверхностью [15, tabl. 1, 1, 2; 16, с. 187, табл. ХСVII, 14], поскольку этот способ отделки сосудов в Крыму не применялся.

КОРЧАГООБРАЗНЫЕ СОСУДЫ (3 экз.)

Тип 1. С плоским дном, расширенным в верхней части вытянутым биконическим туловом и гиперболоидным горлом. Представлен довольно крупным сосудом II-III вв. н.э. из поселения Тарпанчи (рис. 1,8) [9, с. 18, табл. 24,9].

Судя по аналогиям, появление в Крыму корчаг этого типа также может связываться с проникновением сарматов, включивших в свой керамический комплекс некоторые формы нижнедонских и прикубанских сосудов [7, с. 179,190-191, табл. II,6; X,6; 19, с. 79, табл. IV,23,24; 20, с. 20,26,82, рис. 26,1].

Тип 2. (2 экз.). С плоским дном, расширенным в средней части вытянутым биконическим туловом и усеченно-коническим горлом. Представлен небольшими сосудами из могильника Неаполя скифского. Один из них, украшенный вертикальными овальными и полукруглыми напедами, найден в погребении I в. до н.э., другой – не имеет точной датировки (рис. 1,6,7) [9, с. 29, табл. 49,1,2].

Объяснить происхождение типа сложно [21, с. 50,51,80; 9, с. 29], но все же, находки сосуда, абсолютно тождественного изделию без орнамента, в меотском Пашковском могильнике IV-III вв. до н.э., а также более крупного экземпляра первой половины III в. н.э. в Танаисе [12, с. 285, рис. 8,13; 7, с. 186, табл. II,1] дают основания связывать его с областями Прикубанья и Подонья.

КУВШИНЫ (3 экз.)

Данная категория одноручной посуды по форме тулова представлена одним типом – с плоским дном и расширенным в средней части биконическим туловом. Особенности морфологии горла кувшинов позволяют разделить их на два варианта.

Вариант А. Со средней высоты усеченно-коническим горлом и отогнутым венчиком. Представлен сосудом, основание горла которого украшено рельефным валиком, из подбойной могилы второй половины III в. н.э. № 20 некрополя Дружное (рис. 1,9) [22, с. 165,168, рис. 3,4; 4, с. 342, рис. 11:10].

В качестве прямой аналогии укажем гончарный сероглиняный кувшин из сарматского погребения второй половины I – начала II вв. н.э. в лесостепном Подонье, присутствие которого объясняется импортом из меотских керамических мастерских [23, с. 33,61,81, рис. 9,1].

Вариант В. (2 экз.). С низким гиперболоидным горлом. Такие сосуды были помещены в склеп второй половины II в. н.э. могильника Усть-Альмы (рис. 1,11) [24, с. 84, табл. 4,34] и в подбой III-IV вв. н.э. № 15 некрополя Дружное (рис. 1,13). В отличие от друженского, основание горла усть-альминского кувшина украшено рельефным валиком.

Аналоги представлены среди редких у поздних скифов Приднепровья кувшинов Гавриловского городища, в погребении I в. до н.э. – II в. н.э. у ст. Старокорсунская на Кубани, в могиле IV в. н.э. Танаисского некрополя, в погребении II-III вв. н.э. Ново-Отрадного и в склепе IV-VI вв. н.э. могильника Силеневая бухта, а также в некрополе I-IV вв. н.э. Херсонеса [25, с. 9,10, рис. 4,5; 26, с. 38, рис. 1,10; 27, с. 58, табл. XXI,1; 28, с. 97,137, табл. 17,10; 29, с. 34, рис. 46,12; 30, с. 81, рис. 53,7].

КРУЖКИ (17 экз.)

Тип 1. С плоским дном, вытянутым усеченно-коническим туловом и отогнутыми краями. Представлен сосудом из слоя II-III вв. н.э. Неаполя (рис. 1,10) [9, с. 17, табл. 15,4].

Лепные изделия такого типа обнаружены в сарматском погребении конца I в. н.э. в Прикубанье [31, с. 95,98, рис. 2,2], а также на нижнеднепровской Золотой Балке: в

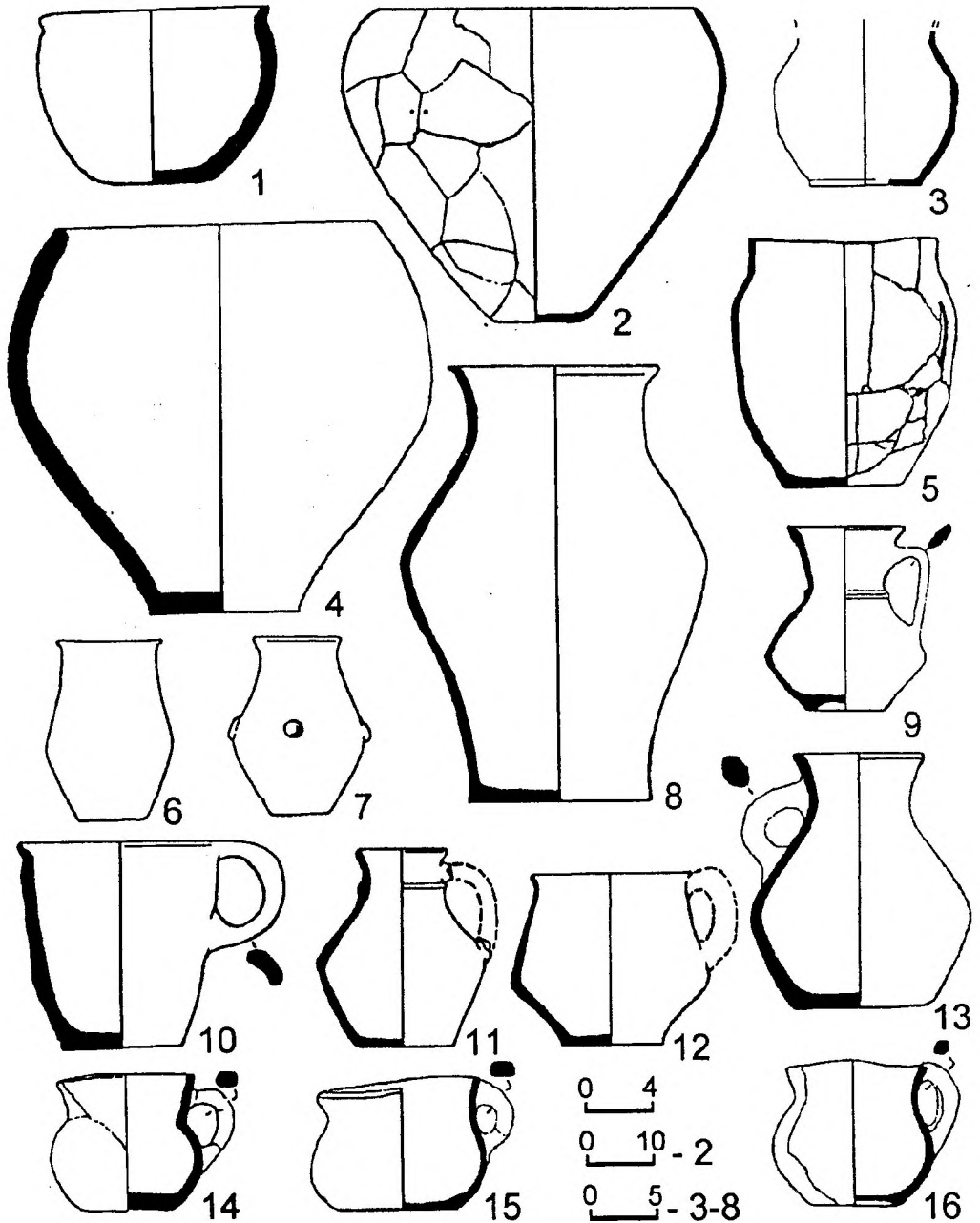

Рис. 1. Миска (1). Горшки (2 – тип 1; 4 – тип 2; 3, 5 – тип 3). Корчагообразные сосуды (8 – тип 1; 6, 7 – тип 2). Кувшины (9 – вариант А; 11, 13 – вариант В). Кружки (10 – тип 1; 14-16 – тип 2; 12 – тип 3).

одном из помещений и в склепе I в. н.э. [32, с. 137, рис. 46,7; 65,23; 33, с. 72-73, 125, рис. 34,8; 61,7]. Идентичная гончарная кружка, считающаяся продукцией меотских ремесленников, известна в одном из сарматских (сиракских) погребений Северо-Западного Кавказа [1, с. 251, табл. 99,37]. Как видно, рассмотренные лепные кружки, несомненно подражающие кружальным изделиям меотов, достоверно зафиксированы у прикубанских сарматов, с которыми, по всей вероятности, и следует связывать их распространение в Нижнее Приднепровье и Крым.

Тип 2. (15 экз.). С плоским дном, эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости и усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами из погребений второй половины III-IV вв. н.э., а также ям и скоплений посуды некрополей Дружное (рис. 1, 14, 15) [34, с. 246, рис. 6,5; 4, с. 346, рис. 13:12-15:19] и Нейзац (рис. 1, 16).

Изделия, полностью тождественные или очень близкие описанным, найдены среди материалов I-IV вв. н.э. Фанагории и в помещении III в. н.э. Семеновки на Боспоре [35, рис. 6,8; 36, рис. 21,6]. Более поздние аналоги присутствовали в склепах первой половины V-VII вв. н.э. некрополей Лучистое и Скалистое в Южном и Юго-Западном Крыму [37, с. 14, рис. 9,2; 38, с. 276,277,283,289,295,297, рис. 4,7; 5,4; 10,13; 18,2; 39, с. 111,192, рис. 82,14]. Скорее всего, тип начал складываться на территории Азиатского Боспора у переместившихся сюда северокавказских аланов. Через Европейский Боспор он распространился в глубинные районы Крыма, где подвергся дальнейшей модификации, выраженной в появлении кольцевых поддонов и орнаментации, отсутствующих на более ранних образцах.

Тип 3. С плоским дном, биконическим туловом, расширенным в нижней части и усеченно-коническим горлом. Представлен сосудом с отбитой ручкой из материалов рубежа эр позднескифского Южно-Донузлавского городища (рис. 1, 12) [9, с. 18, табл. 20, 19].

Прямой аналог этому экземпляру найден в могиле первой половины I в. н.э. некрополя Золотое на Боспоре [40, с. 108, табл. XXXVII, 1]. Довольно близки ему также лепной сосуд I – начала II вв. н.э. из Предкавказья и гончарный, того же времени, – из Прикубанья [41, с. 138, рис. 52,1; 42, с. 113,127, табл. VII,105]. По-видимому, генезис кружек типа 3 также связан с Азиатским Боспором, откуда эта редкая форма проникла на Кавказ, а через европейскую часть царства – к поздним скифам Северо-Западного Крыма.

КУБКИ (10 экз.)

Тип 1. (2 экз.). С плоским дном, эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости и гиперболоидным горлом. Представлен сосудами из склепов IV в. н.э. №№ 27 и 59 (рис. 2, 1) могильника Дружное [4, с. 350, рис. 15:4].

Аналогии, датирующиеся I-V вв. н.э., обнаружены в Танаисе [7, с. 186, табл. IV,12], а также в Крыму: на Боспоре, в некрополе Херсонеса и в могильнике Лучистое [43, с. 38,42, рис. 7,2; 29, с. 34, рис. 29,3; 30, с. 79, рис. 53,3; 38, с. 277,297, рис. 5,14]. Наиболее вероятным исходным районом для данной формы является Нижний Дон, откуда она, в дальнейшем, распространилась вглубь Крымского полуострова.

Тип 2. (5 экз.). С широким плоским дном, сферическим туловом и узким усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами из слоя пожара II в. до н.э. и хоз. ямы рубежа эр позднескифского Булганакского городища, материалов II-III вв. н.э. Неаполя (рис. 2,2) и Кермен-Кыра (рис. 2,3), а также некрополя IV – начала V вв. н.э. Совхоз 10 [3, с. 224,268, табл. II,4; VII,18; 44, с. 107, рис. 39,2; 9, с. 16, табл. 14,6; 45, с. 264, рис. 3,5].

Сосуды данного типа были весьма многочисленны на Нижнем Дону с V-III вв. до н.э. по III в. н.э. [46, с. 156, рис. 1,1; 7, с. 184,188,189,190, табл. IV,11,12; VII,14; VIII,5].

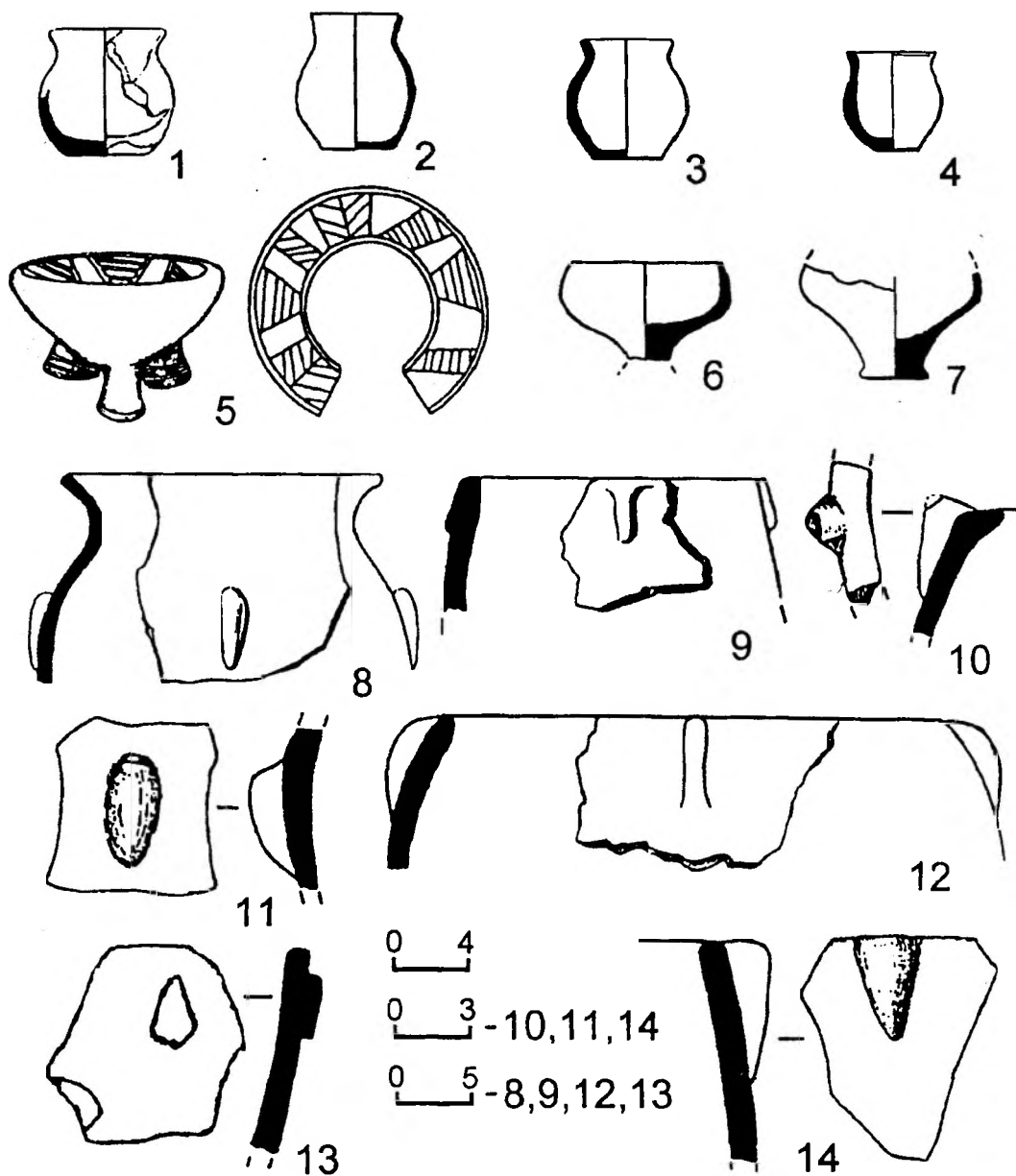

Рис. 2. Кубки (1 – тип 1; 2,3 – тип 2; 4 – тип 3). Курильница (5). Чаши на ножках-подставках (6,7). Виды рельефной орнаментации (8-14).

известны они и в сарматских погребениях конца II в. до н.э. – начала II в. н.э. Нижнего Поволжья [1, с. 180, 194, табл. 74, 20, 22; 83, 11; 47, рис. 10, 6]. Устойчивое бытование типа в Нижнем Подонье четко указывает на центр его формирования. Вероятно, и поволжские сарматы, и поздние скифы Крыма, передавшие традицию изготовления подобных сосудов населению позднеримского времени, заимствовали данную форму у донских меотов.

Тип 3. (3 экз.). С узким плоским дном, сферическим туловом и широким усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами из материалов рубежа эр Южно-Донузлавского городища (рис. 2, 4) [9, с. 18, табл. 20, 5] и погребений второй половины III-IV вв. н.э. в склепах №№ 21 и 58 Дружного [4, с. 350, рис. 15:7].

Сходные кубки происходят из сарматского захоронения конца II – начала I вв. до н.э. в Прикубанье и слоя II-III вв. н.э. Танаиса [48, с. 59, рис. III, 3а; 7, с. 178, табл. IV, 5].

КУРИЛЬНИЦА (1 экз.)

Представлена изделием с полусферической чашечкой на трех ножках из кургана Черкеса, который датируется III-II или IV-I вв. до н.э. Его внутренняя часть покрыта врезным геометрическим орнаментом, а ножки – тройными врезными линиями (рис. 2, 5) [49, с. 184, рис. 9; 9, с. 28, табл. 46, 1; 50, с. 42].

Прямые и единственные аналогии обнаружены на Азиатском Боспоре: лепная – в некрополе Танаиса (без датировки), а гончарные – в погребениях второй половины I в. до н.э. – II в. н.э. Усть-Лабинского могильника № 2 [51, с. 78, рис. 34, а; 52, с. 194-197, рис. 17, 5, 6].

ЧАШИ НА НОЖКАХ-ПОДСТАВКАХ (2 экз.)

С загнутыми краями и усеченно-коническим туловом, на расширяющейся книзу подставке. К чашам отнесены фрагментированные изделия из напластований рубежа эр и II-III вв. н.э. Неаполя скифского (рис. 2, 6, 7) [44, с. 102, 109, рис. 36, 14; 39, 9].

Такая ЛК впервые появляется в V в. до н.э. на памятниках лесостепного Днепровского правобережья и ее генезис не выяснен [1, с. 71, табл. 20, 39]. В более позднее время похожие “вазочки” встречены в позднемеотских материалах I в. до н.э. – III в. н.э. [1, с. 247, табл. 97, 21] и в сарматском погребении I – начала II вв. н.э. донской лесостепи, где по керамике отмечается прочная связь с меотским миром [23, с. 50, 63, 83, рис. 19, 4]. Возможно, и неапольские изделия имеют истоки в меотских керамических традициях, усвоенных и привнесенных в Крым сарматами.

Ниже опишем фрагменты, не позволяющие получить адекватное представление о форме целых сосудов, но которые имеют рельефную орнаментацию, тяготеющую к меотским художественно-стилистическим канонам.

1. Вертикальные налепы овальной формы, расположенные на плече, украшали обломок горшка I в. до н.э. – I в. н.э. из Тарпанчи (рис. 2, 8) [9, с. 18, табл. 19, 3], а также стенку сосуда этого же времени из полуземлянки Булганакского городища (рис. 2, 11) [3, с. 290, табл. X, 11].

Наиболее ранние и весьма многочисленные соответствия разнообразным по форме, но в том числе и овальным вертикальным налепам происходят из Нижнего Подонья. Они обнаружены на фрагменте предскифского времени из поселения кобяковской культуры [53, с. 48, табл. XI, 19]. В V-III вв. до н.э. часть горшков Елизаветовского городища имела на плечах ручки-упоры в виде вертикальных выступов

[6, с. 126, рис. 4,1-4]. На танаисских горшках II-III и IV вв. н.э. вертикальные налеты иногда были моделированы вдавлениями, а также сочетались с иными видами орнаментации [7, с. 189-191,195,196,200,201,203, табл. III,3; V,11; VI,14; VII,3,5,8,12,14,15; IX,6,12,13; XI,6]. Фрагменты с похожими на крымские налетами присутствовали и среди материалов III в. н.э. Сухо-Чалтырского городища [54, с. 179, табл. III,2-4]. Со II в. н.э. горшки с вертикальными овальными налетами появились в женских сарматских погребениях Волго-Донья, а также Северного Причерноморья и считается, что такой прием орнаментации посуды является для сарматов новым [55, с. 146, 152, 153, рис. 7, 1; 1, с. 193,194, табл. 75,26; 83,16; 20, с. 96, рис. 23,2г].

Как видно, исходная территория овальных вертикальных налепов на плечах горшков уверенно локализуется в Нижнем Подонье.

2. Вертикальные налеты, расположенные на внешней стороне края посуды. Судя по размерам, пропорциям и массивности стенок, эти фрагменты могли относиться к одному из типов (1 или 2) горшков без горла. Известны налеты-выступы следующих конфигураций:

а) удлинённый налет, который сохранился на черепке из слоя III-II вв. до н.э. Неаполя скифского (рис. 2,9) [9, с. 15, табл. 10,4];

б) сегментовидным налетом снабжен неапольский фрагмент, датирующийся II-III вв. н.э. (рис. 2,12) [9, с. 17, табл. 16,19];

в) налет в виде плоского треугольника, обращенного вершиной вверх, украшал верхнюю часть сосуда из слоя рубежа эр Альма-Кермена (рис. 2,13) [56, с. 104, рис. 25,14];

г) налет в форме объёмного треугольника, обращенного вершиной вниз, размещался у края обломка из слоя I в. до н.э. – I в. н.э. Булганак (рис. 2,10) [3, с. 290-291, табл. X,14].

д) налет в виде половины конуса, также обращенного вершиной вниз, располагался у края черепка, обнаруженного в хоз. яме рубежа эр Булганакского городища (рис. 2,14) [3, с. 290-291, табл. X,13].

Следует отметить, что точных аналогий описанным налетам из позднескифских поселений отыскать не удалось. Однако, вертикальные выступы у края сосудов, возможно иногда заменявшие ручки, в изобилии встречены при раскопках Елизаветовского городища: в материалах "доскифской" эпохи и V-III вв. до н.э. [5, с. 164,165,172,173, рис. 53,1,2,4; 6, с. 129,130, рис. 4,5], а также в Танаисе, где, как и в Крыму, рельефные выступы у края имели исключительно горшки без выделенного горла, бытовавшие с III в. до н.э. по I в. н.э. [7, с. 181,182, табл. I,13].

Вывод относительно вертикальных налепов у края сосудов сходен с предыдущим. Принимая во внимание обилие такого рода ручек-упоров на Нижнем Дону, можно предположить, что в Крыму они появились еще в эллинистическую эпоху. В Подонье такой способ оформления посуды к I в. н.э. вышел из употребления, а у крымских поздних скифов продолжал использоваться и позднее.

***

Хронологическое распределение рассмотренной ЛК нижнедонско-прикубанского облика, демонстрирует ее неравномерное бытование во времени. Самыми ранними образцами являются кубок типа 2 из Булганака и фрагмент с удлинённым вертикальным налёпом у края (мотив 2а) из Неаполя. Кубок обнаружен в слое пожара, который охватил весь акрополь и нанес ущерб оборонительным сооружениям Булганакского городища. Его возникновение относится ко II в. до н.э., вероятнее всего к концу этого столетия, и связывается с военными столкновениями между скифами и херсонесско-пантийским войском в период "диофантовых войн" [57, с. 9,12-13].

Условия находки неапольского орнаментированного обломка нам неизвестны. О.Д.Дашевская датировала его III-II вв. до н.э., однако, в соответствии с новейшей разработкой хронологии столицы Крымской Скифии, самый ранний культурный горизонт Неаполя, как политического и экономического центра поздних скифов, относится ко времени не ранее первой половины – середины II в. до н.э. [58, с. 87]. В этом случае, появляется возможность если не синхронизировать, то отнести к очень близкому временному промежутку существование и булганакской, и неапольской находок, которые появились еще до начала походов Диофанта. Если логика наших рассуждений верна, то присутствие упомянутых образцов, не представленных в ЛК Крыма предшествующей эпохи, может диагностировать начальный этап проникновения на полуостров выходцев из азиатских владений Боспорского царства. Следовательно, можно говорить о том, что наряду с потомками кочевых и полукочевых скифов, а также некоторыми другими этнокомпонентами, в сложении полиэтничного культурно-исторического образования, получившего название "крымского локального варианта позднескифской археологической культуры", непосредственное участие приняли и представители варварского населения из Нижнего Подонья. Этническая принадлежность этого населения определяется в литературе по-разному. Одни исследователи считают его гомогенным, видя в нем меотов, скифов или сарматов, другие предполагают его смешанный – савромато-сарматский или же скифо-меото-савроматский состав [1, с. 46,61-62].

Значительно более представительный массив находок (23 экз.) датируется I в. до н.э. – I в. н.э. Данный период характеризуется мощным экономическим подъемом и военно-политической активизацией государственного объединения поздних скифов. Помимо этого, рубеж эр в истории Крыма ознаменован началом интенсивной волнообразной инфильтрации различных контингентов сарматов, основная масса которых мирным путем внедрялась в позднескифскую среду. Сарматские передвижения не могли не затронуть слои меотского, к тому времени сильно сарматизированного населения, чем и объясняется присутствие у поздних скифов широкого ассортимента ЛК, специфичной для Нижнего Дона и Прикубанья: миски типа 1; горшки типов 1, 2 и 3 (подтип 1); корчагообразные сосуды типа 2; кружка типа 2; кубки типов 2 и 3; курильница-трипод и неапольская чаша с отбитой ножкой, а также обломки с вертикальными налёпами-выступами на плечах и у края сосудов (мотивы 1 и 2в-д).

Их появлению в Центральном и Северо-Западном Крыму, возможно, способствовали зависимость позднескифского государства от Пантийской державы Митридата VI Евпатора и, особенно, участие скифов на стороне Фарнака в междоусобной войне с Асандром за боспорский престол, которая происходила во второй половине I в. до н.э.

[App. Mithr. 120, no: 59]. При этом, отсутствие такой ЛК на европейской части Боспора предполагает ее попадание в Крым как в результате переноса готовых изделий, так и в результате переселения носителей традиций изготовления подобных сосудов. Вероятны оба варианта или их сочетание. В этой связи, особо следует отметить то обстоятельство, что распространение отдельных типов сосудов не всегда обусловлено непосредственным этническим присутствием меотов или родственного им населения. Практика изготовления некоторых из них могла быть привнесена и сарматами, воспринявшими и включившими в свой керамический комплекс отдельные формы и орнамент традиционных нижнедонских и прикубанских изделий.

Набор нижнедонско-прикубанской ЛК, приходящейся на заключительную фазу истории поздних скифов (II – середина III вв. н.э.), ощутимо уменьшился. Он репрезентрован горшком типа 2; корчагообразным сосудом типа 1; кувшином варианта В; кружкой типа 1; кубками типа 2, а также чашей на ножке-подставке с утраченной верхней частью и мотивом 2б рельефного орнамента (8 экз.). Среди этой посуды сохраняются, бытовавшие прежде, горшок, кубки и чаша, но все остальные – новые. Из этого следует, что половина всей ЛК этой группы могла быть изготовлена в Крыму меотами и/или сарматами, переселившимися сюда ранее, но появление остальных сосудов обусловлено очередным этнокультурным импульсом из Нижнего Подонья и Прикубанья. Скорее всего, этот импульс также был инициирован сарматскими племенами (аланами) и явился следствием их общего миграционного движения на запад.

Существенным моментом в этнической ситуации рассматриваемого периода является то, что наряду с распространением у поздних скифов ЛК, свойственной жителям Азиатского Боспора, наблюдается и обратная картина. Такие специфичные для скифов не только Крыма, но и Нижнего Поднепровья изделия как круглые, трех- и четырехгранные в плане чаши на высокой ножке (светильники/курильницы) появляются в Горгиилии и Танаисе [2, с. 16]. Наряду с ЛК, со II в. н.э. на европейской, а с III в. н.э. на азиатской частях Боспора распространились новые для этих территорий культы и обряды, которые также связаны с крымскими и приднепровскими скифами [60; 61]. Приведенные факты иллюстрируют проникновение в среду боспорян новых групп населения, основу которого составляли поздние скифы. Это проникновение могло носить добровольный или принудительный характер и, вероятно, явилось следствием включения Крымской Скифии в состав Боспорского царства при Савромате II и Рескупориде III [62, №№ 1237, 1008, 953; 63, с. 126].

В середине III в. н.э. на полуострове произошли кардинальные изменения. В это время прекращают существование памятники позднескифской культуры и появляются могильники с совершенно иными, чем у поздних скифов, погребальными сооружениями, обрядом и инвентарем. Первая группа могильников характеризуется совершением погребений по обряду кремации и соотносится с германцами, во второй, оставленной аланами, преобладают склепы особой конструкции, в которых хоронили по обряду ингумации. На некоторых некрополях названные виды обрядов сочетаются [64, с. 64-66].

ЛК, присущая районам Нижнего Подонья и Прикубанья, обнаружена только на могильниках второй группы. По сравнению с предыдущим периодом ее численность заметно возросла, при незначительном расширении ассортимента: горшок типа 3 (подтип 2); кувшины вариантов А и В; кружки типа 2, а также кубки типов 2 и 3 (23 экз.). Из форм, известных в более раннее время, сохраняются лишь кувшин варианта В, а также кубки типов 2 и 3, продолжение изготовления которых может быть рассмотрено

как проявление позднескифского культурного наследия. Кувшин варианта А имитирует продукцию меотских гончарных мастерских, функционировавших до начала III в. н.э. [65, с. 91], а вот генезис неизвестных прежде в Крыму кружек типа 2 не совсем обычен. Хотя центром формирования типа является Азиатский Боспор, он был выработан в среде приазовских алан-танаитов на основе морфологически несколько иных кружек их северокавказских соплеменников.

Находки перечисленной ЛК в некрополях второй половины III–IV вв. н.э., содержащих только труположения, и ее непредставленность в могильниках с сожжениями объясняется тем, что германцы вторглись в Крым с севера, а аланы пришли с востока – с территории Боспорского царства. Вместе с ними в глубинные районы полуострова проникли и уцелевшие жители разрушенных в 40-е гг. III в. н.э. нижнедонских и прикубанских поселений.

Таким образом, изучение ЛК нижнедонско-прикубанского облика из памятников Крыма позволяет сделать следующие выводы.

1. В течение сарматской эпохи между населением Крыма и Азиатского Боспора существовали достаточно прочные культурные и межэтнические связи, установившиеся в эллинистическое время.

2. Наиболее интенсивными эти связи были на рубеже эр, когда выходцы из меотского племенного мира, втянутые в миграционный поток сарматских племен, становились жителями позднескифских поселений, привнося в местную среду особенности своей материальной и духовной культуры.

3. Во II–III вв. н.э. наблюдается некоторое ослабление контактов между Крымской Скифией и азиатской стороной Боспорского царства, но при этом, меняется их направленность. В это время впервые фиксируется проникновение поздних скифов в достаточно отдаленные районы Боспорского царства.

4. В позднееримское время произошел последний всплеск инфильтрации нижнедонско-прикубанских варваров, связанный с приходом в Крым аланов, которые, наряду со многими другими этнокультурными компонентами, приняли участие в сложении раннесредневекового населения Крымского полуострова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в древнейших временах до средневековья: В 20 т. М., 1989.
2. Власов В.П. Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами ліпної кераміки) / Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1999.
3. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
4. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
5. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. // ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
6. Марченко К.К. Лепная керамика V–III вв. до н.э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // СА. 1972. №1.
7. Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. Горшки // МИА. 1969. №154.
8. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II.

9. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып.Д1-7.
10. Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961-1962 годах // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. арх. музея 1962 года. Одесса, 1964.
11. Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1984.
12. Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 1958. №64.
13. Бруяко И.В. Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей. К., 1993.
14. Дмитриев А.В., Малышев А.А., Шилов А.В., Федоренко Н.В. Исследование археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 году // Боспорский сборник. 1994. Вып.4.
15. Wolagiewicz R. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin, 1993.
16. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1993.
17. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып.IV.
18. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов, 1984.
19. Бураков А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 1976.
20. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
21. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983.
22. Храпунов И.Н., Масыкин В.В. Подбойная могила второй половины III в. н.э. из могильника Дружное // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб. - Кишинев, 1997.
23. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.
24. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
25. Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. Ч.1. Киев, 1991 (Препр. / АН УССР. Ин-т археологии).
26. Кондрашев А.В. Раскопки грунтового могильника в ст. Старокорсунской // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 гг. Ейск, 1992.
27. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
28. Арсеньева Т.М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970.
29. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.
30. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV в. н.э. Киев, 1982.
31. Пьянков А.В. Амулеты "египетского фаянса" из могильника Мостового у станицы Отрадной // Историко-археологический альманах. Армавир - Москва, 1996. Вып.2.
32. Вязьмитина М.І. Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. Київ, 1962.
33. Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972.
34. Храпунов И.Н., Власов В.П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.
35. Кругликова И.Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 1951. №19.
36. Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970.
37. Айбабин А.И., Мульд С.А., Хайрединова Э.А. Исследование раннесредневекового могильника у с. Лучистое // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
38. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму / МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып.VI.

39. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
40. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 1983.
41. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.). М., 1993.
42. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.
43. Корпусова В.М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. Київ, 1973. Вип.8.
44. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
45. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский); проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
46. Копылов В.П., Марченко К.К. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // СА. 1980. №2.
47. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
48. Лопатин А.П. Курган у станицы Спокойной // Историко-археологический альманах. Армавир - Москва, 1995. Вып.1.
49. Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
50. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
51. Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М. - Л., 1949.
52. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. №23.
53. Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. 1980. Вып. В1-11.
54. Кругликова И.Т. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Вып. II.
55. Скрипкин А.С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
56. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
57. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.
58. Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып. V.
59. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. №1.
60. Емец И.А. К вопросу об этнических процессах на Боспоре в позднеантичный период // Тез. докл. науч. конф. "Проблемы истории Крыма". Симферополь, 1991. Вып. I.
61. Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. 1994. №4.
62. Корпус В.М. Боспорские надписи. М. - Л., 1965.
63. Зубар В.М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. Київ, 1991. №1.
64. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I.
65. Братченко С.Н., Косяненко В.М. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 2.

VLASOV V. P.
HAND-MADE CERAMICS OF LOWER DON - KUBAN PATTERN FROM CRIMEAN
MONUMENTS OF SARMATIAN PERIOD
Summary

In this article the author characterizes hand-made ceramics from Crimean monuments of Late Scythian archaeological culture and from necropolises of Late Roman period revealing proto-types and parallels in ceramic complex of the inhabitants of Lower Don and Kuban regions.

Comparative-typological analysis of more than 50 wares of different categories (bowls, pots, earthenware pots, jugs, mugs, goblets, incense cup, bowls on foot), some of which were decorated with vertical relief parts of different forms, as well as chronological distribution of this hand-made ceramics enable us to draw the following conclusions:

During Sarmatian epoch there were rather stable cultural and interethnic relations between the population of the Crimea and Asian Bosphoros established in Hellenistic period.

The most intensive relations were during the period, when Meot tribes became the inhabitants of late Scythian settlements as a result of migration process, bringing the peculiarities of their own material and spiritual culture into the local environment.

In the 2nd – 3rd centuries a certain weakening of contacts between Crimean Scythia and Asian side of the Bosphoros Kingdom can be observed, but their orientation is also changed. At this time the Late Scythian penetrate to rather far away districts of the Bosphoros Kingdom for the first time.

In the Late Roman period there was the last splash of infiltration of the Barbarians from the lower Don – Kuban region connected with the Alans' coming to Crimea, who alongside with many other ethnocultural components took part in the forming Early Medieval population of the Crimean peninsular.